94 (47).084.8

М. В. Ходяков

«Я никогда не стану другом Советского Союза»: настроения иностранных военнопленных в лагерях НКВД-МВД во второй половине 1940-х гг.[1]

Историки, анализировавшие в последние десятилетия комплекс проблем русского плена, в своих научных изысканиях достигли значительных результатов. В частности, это относится к вопросам трудового использования иностранных военнопленных на территории СССР, медицинского обеспечения узников войны, определения масштабов их смертности, сроков проведения и условий репатриации и т. д.[2] Проблемы же повседневной жизни военнопленных — взаимоотношения с лагерным начальством, вольнонаемными сотрудниками лагерей и гражданским населением, уровень заработной платы и ее изменение в зависимости от лояльности по отношению к властям, масштабы переписки с родственниками за границей, преступность среди

[1] Статья подготовлена при поддержке РГНФ. Проект № 13-01-00223.

[2] *Конасов В.Б.* Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. Вологда, 1996; *Сидоров С.Г.* Труд военнопленных в СССР, 1939–1956 гг. Волгоград, 2001; *Карнер С.* Архипелаг ГУПВИ: Плен и интернирование в Советском Союзе, 1941–1956 / Пер. с нем. М., 2002; *Фролов Д.Д.* Советско-финский плен. 1939–1944 гг. По обе стороны колючей проволоки. Хельсинки; СПб., 2009; *Колеров М.* Труд и война: военнопленные в экономике СССР (1944–1949). М., 2011 и др.

военнопленных в лагерях — изучены в гораздо меньшей степени[3]. В данной статье предпринята попытка рассмотреть «человеческое лицо» плена и те изменения, которые происходили в настроениях людей, годами ждавших отправки на родину.

После нападения в июне 1941 г. Германии на Советский Союз в Кремле было принято решение об утверждении «Положения о военнопленных», которое в целом не противоречило нормам международного права. До этого СССР отказывался ратифицировать Женевскую конвенцию 1929 г., определявшую правила обращения с узниками войны. Принятое 1 июля 1941 г. «Положение» закрепляло порядок нахождения военнопленных на советской территории. Однако в 1941–1942 гг. их численность в создаваемых лагерях росла медленно. Для обслуживания фронтов формировались лагеря-распределители временного содержания, трехнедельного карантина и последующей отправки военнопленных в тыл в производственные лагеря. При штабах фронтов появились уполномоченные НКВД для работы с военнопленными.

Количество лагерей военнопленных на территории СССР стало стремительно возрастать после разгрома вражеских войск под Сталинградом. В советском плену оказались десятки тысяч не только немецких, но также венгерских, румынских, итальянских военнослужащих. К 1 марта 1943 г. в СССР существовало уже 35 лагерей, в том числе 4 офицерских, 20 для рядового и унтерофицерского состава и 11 фронтовых приемно-пересыльных лагерей (ФППЛ). Осенью 1943 г. каждый фронт имел закрепленный за ним ФППЛ[4]. К маю 1945 г. на учете в лагерях НКВД числилось 3486 тыс. военнопленных[5].

Только на территории Ленинградской области, освобожденной от фашистов в январе–феврале 1944 г., было создано 9 лагерей и 5 отдельных рабочих батальонов. Каждый из лагерей состоял из лагерных отделений, общее число которых доходило до 80 и менялось в зависимости от количества поступавших заключенных, а также круга задач, стоявших перед местными органами власти. По официальным данным к началу марта 1946 г. в лагерях НКВД на территории Ленинградской области находилось почти 62 тыс. военнопленных[6]. На тер-

[3] Одними из первых к анализу и осмыслению этих проблем приступили петербургские исследователи В.А. Иванов и Н.В. Колошинская. См.: *Иванов В.А.* О настроениях среди пленных немецких генералов и офицеров Курляндской группы армий в майские дни 1945 г. (По материалам фронтового пункта военнопленных № 1 в пос. Тиркилишкяй Литовской ССР) // Проблемы военного плена: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции. Вологда, 1997. Ч. 2. С. 44–50; *Колошинская Н.В.* Проблемы противодействия хищениям и злоупотреблениям в лагерях для военнопленных на территории Ленинграда и области во второй половине 1940-х гг. // История государства и права. 2013. № 6. С. 31–35 и др.

[4] Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / Под ред. М.М. Загорулько. М., 2000. С. 591–592.

[5] Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001. С. 511.

[6] Военнопленные в СССР. С. 653.

ритории соседней с Ленинградом Эстонии также было сформировано 9 лагерей, через которые прошло свыше 73 тыс. военнопленных[7].

Всего на территории СССР существовало свыше 500 лагерей и специальных объектов для военнопленных, 214 специальных госпиталей, 421 рабочий батальон, 322 лагеря органов репатриации военнопленных, интернированных и иностранных граждан. Через эту лагерную систему прошло более 4 млн военнопленных и около 300 тыс. интернированных[8]. Условия содержания военнопленных были исключительно тяжелыми. Особенно это относится к периоду 1943–1946 гг. Самой высокой оказалась смертность среди военнопленных итальянцев — 56,5 %[9]. Так, в октябре 1949 г. при обследовании кладбища лагеря № 160 в городе Суздале выяснилось, что к моменту ликвидации лагеря в июле 1946 г., на кладбище (открытом в январе 1943 г.) находилось 819 могил. Практически все военнопленные были захоронены на протяжении 1943 г. Подавляющая часть умерших военнопленных составили итальянцы, но были также румыны, немцы, югославы, поляки и даже один американец итальянского происхождения[10].

После окончания Второй мировой войны военнопленные стали серьезным аргументом в руках советского политического руководства, решавшего важные вопросы международной политики. Как результат, уже в 1945 г. началась частичная репатриация военнопленных. Так, для итальянских солдат она проходила в сентябре 1945 — марте 1946 г. За это время из советских лагерей вернулось в Италию 21 065 человек. Из них только 10 032 были солдатами, остальные — интернированные немцами и впоследствии перевезенные в советские лагеря[11].

В марте–апреле 1947 г. в Москве состоялась четвертая сессия Совета министров иностранных дел, в ходе которой главы внешнеполитических ведомств союзных держав приняли предложение советской делегации о возвращении в Германию всех военнопленных до 31 декабря 1948 г. Однако план репатриации не был выработан. В итоге СССР изменил сроки завершения репатриации, опубликовав 4 и 30 января 1949 г. соответствующие сообщения в газете «Правда». Ликвидация лагерей и отправка основной массы военнопленных на родину затянулась до конца 1949 г. В результате сотни тысяч узников войны разных национальностей оставались в лагерях НКВД-МВД до конца 1949 г., а некоторые — до середины 1950-х гг.

---

[7] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1 п. Оп. 15 а. Д. 231. Л. 178; Региональные структуры ГУПВИ НКВД-МВД СССР. 1941–1951: отчетно-информационные документы / Под ред. М.М. Загорулько. Сост.: М.М. Загорулько, С.Г. Сидоров, Н.С. Тархова, Е.М. Цунаева. Волгоград, 2005. С. 422.

[8] Военнопленные в СССР. С. 12.

[9] *Джусти М.Т.* Итальянские военнопленные в СССР, 1941–1954. СПб., 2010. С. 226.

[10] РГВА. Ф. 1 п. Оп. 05 е. Д. 768. Л. 3–17.

[11] *Джусти М.Т.* Итальянские военнопленные в СССР. С. 178.

Следствием задержки репатриации стало усиление в конце 1948 — начале 1949 г. антисоветских настроений в лагерях, где содержались узники войны. МВД СССР доносило высшему политическому руководству страны о том, что это дело рук «некоторой части реакционно настроенных военнопленных». Лагерное начальство на местах констатировало «значительное ухудшение настроений военнопленных», «резкое увеличение отрицательных высказываний», «рост побегов». Личный состав лагерей и конвойных войск был «мобилизован на усиление бдительности охраны военнопленных»[12].

Получение органами НКВД-МВД необходимой информации о настроениях военнопленных было организовано через разветвленную агентурную сеть, сформированную во всех лагерях и лагерных отделениях. Так, на 1 января 1947 г. в лагере № 135 (поселок Ахтме Эстонской ССР) работали 90 агентов из числа немецких военнопленных. Общее количество военнопленных в лагере в тот момент времени составляло 9561 человек. За период с 1 января по 1 февраля 1947 г. в лагерь прибыли еще 14 агентов, а к 1 января 1948 г. лагерь «обслуживал» уже 151 агент[13].

Большую роль в жизни военнопленных занимала переписка. Она серьезно влияла на настроение узников войны, которое, в свою очередь, в значительной степени определяло их трудовую активность[14]. Ведомственные нормативные правовые акты, одобренные высшим советским руководством, стали базой для организации переписки военнопленных с родственниками. Доступные сегодня исследователям архивные материалы позволяют не только проследить собственно процесс организации переписки военнопленных с родными, находившимися в различных зонах оккупации Германии, но и увидеть перемены в их настроениях в связи с ожидавшейся, но затягивавшейся репатриацией. Переписка также позволяет выявить оценочные суждения политического характера и взгляды военнопленных на международную обстановку в условиях разгоравшейся «холодной войны».

Разумеется, переписка военнопленных тщательно контролировалась лагерным начальством, о чём оно регулярно сообщало вышестоящим структурам[15]. Письма, содержавшие описание хорошего обращения с военнопленными и составленные под советскую диктовку, активно тиражировались. Так произошло

[12] Государственный архив Эстонии (ERAF). Ф. 17 SM. Оп. 8. Д. 38. Л. 129–130.

[13] ERAF. Ф. 13 SM. Оп. 1. Д. 21. Л. 2–7, 20.

[14] Кратко проблема переписки военнопленных была затронута в статье и докторской диссертации эстонского исследователя Пеетера Каасика: *Kaasik P.* Prisoner-of-War Camps in Estonia in 1944–1950 // Estonia since 1944. Reports of the Estonian International Commission for the Investigation of Crimes against Humanity [compiled by T. Hiio... et al.; edited by T. Hiio, M. Maripuu and I. Paavle. Inimsusevastaste Kuritegude Uurimise Eesti Sihtasutus]. Tallinn, 2009. P. 69–70; *Idem.* Nõukogude liidu sõjavangipoliitika teise maailmasõja ajal ja sõjajärgsetel aastatel: sõjavangide kinnipidamissüsteem Eesti näitel ja hinnang sõjavangide kohtlemisele rahvusvahelise õiguse järgi. Tallinn, 2011.

[15] ERAF. Ф. 17 SM. Оп. 8. Д. 38. Л. 131.

с высказываниями австрийца Альфреда Эбнера, сдавшегося в плен 9 апреля 1942 г. и оказавшегося в Суздальском лагере № 160: «Здесь в лагере имеется всё, что только хочешь. Хорошая и в большом количестве пища, ежедневно 15 папирос, кино, книги, музыка, баня... Немецкие наци нас, австрийцев, обманули. Здесь в плену я живу в тысячу раз лучше, чем в немецкой армии... Бросайте, наконец, оружие и приходите к нам в плен. Здесь я имею уверенность, что я после войны увижу своих родителей и свою Австрию»[16]. Некоторые из военнопленных писали после пленения под Сталинградом не только о «гуманном отношении», но даже о «диетическом питании» в лагере[17].

Количество положительных высказываний немецких военнопленных о советской власти и ее политике увеличилось в 1949 г., что было связано, прежде всего, с готовящейся репатриацией и нежеланием осложнять свое положение перед отправкой на родину. Так, лейтенант бывшей германской армии Вольфганг Бер, попавший в плен в апреле 1945 г. в ходе боев за Берлин, в беседе с группой военнопленных (один из которых являлся лагерным агентом), заявил: «Следя за политикой Советского Союза, я убедился, что она направлена к достижению мира и безопасности всех народов... Опубликование же плана репатриации военнопленных доказало мне вновь, что Советский Союз желает немецкому народу лишь хорошее, и еще прочнее утвердило мою лояльность к СССР». Тогда же, в марте 1949 г., фельдфебель Ганс Егер «в порядке реплики» заметил: «Если западные державы в их травле против Советского Союза использовали для своих целей вопрос военнопленных, стараясь внушить общественному мнению, что СССР не думает отпускать военнопленных на родину, то разработанный советским правительством план репатриации вновь выбивает у них из-под ног базу для клеветы»[18].

В пропагандистских целях в лагерях использовались и положительные оценки деятельности советской военной администрации в советской зоне оккупации Германии. Так произошло с почтовой карточкой, адресованной военнопленному лагерного отделения № 3 (мелкому крестьянину), в котором его жена сообщала о том, что «получила лошадь в подарок от Красной Армии»[19].

Следует отметить, что руководители лагерей прекрасно понимали значение переписки для военнопленных, и старались в меру своих возможностей через организацию этого процесса влиять на настроения узников войны. Так, 29 апреля 1946 г. на совещании самоуправления лагеря № 279, который располагался в эстонском городке Кивиыли, в присутствии комендантов, командиров рот военнопленных, переводчиков обсуждалась идея, которую некоторое время вынашивало советское руководство — введение отпусков для поездок на родину

[16] РГВА. Ф. 1 п. Оп. 4 з. Д. 8. Л. 33 — 33 об.

[17] Там же. Л. 39–44.

[18] ERAF. Ф. 17 SM. Оп. 8. Д. 38. Л. 132–133.

[19] Там же. Д. 5. Л. 174.

передовиков производства, а также возможность вызова в СССР семей военнопленных. Поскольку в итоге от этих планов в высших политических кругах Советского Союза было решено отказаться, уже в мае 1946 г. настроение военнопленных в лагере характеризовалось как «взбудораженное». На это обстоятельство накладывалось «неправильное начисление заработной платы, когда лучшие работники или получили меньше худших, или вовсе не получили ничего». Напряженную ситуацию частично смягчила переписка. За второй квартал 1946 г. военнопленные смогли отправить на родину 4831 почтовую карточку, одновременно получив 1626 от родных[20].

Однако в целом количество почтовых карточек, которое в 1945 и 1946 гг. имелось в распоряжении руководителей лагерей, было значительно меньше требуемого. Не случайно руководители лагеря № 279 в мае 1946 г. информировали начальника особой части Отдела по делам военнопленных и интернированных (ОПВИ) МВД ЭССР о том, что военнопленные «не имеют до настоящего времени возможности писать один раз в месяц домой, не говоря уже о том, чтобы в целях поощрения дать им возможность писать дважды в месяц». Из лагеря № 289, управление которого располагалось в эстонском городе Кохтла-Ярве, в мае 1946 г. сообщали еще определеннее: «В настоящее время лагерь почтовых карточек не имеет»[21].

Положение с перепиской военнопленных в этой небольшой прибалтийской республике коренным образом изменилось лишь в 1947 г., когда в августе из Москвы было получено 650 тысяч почтовых карточек для военнопленных, содержащихся в лагерях Эстонии. Начальник ОПВИ МВД ЭССР даже вынужден был после этого направить в Москву официальное письмо следующего содержания: «В дальнейшем просим Вас почтовых карточек для военнопленных в наш адрес не высылать, т. к. мы имеем указанных карточек в достаточном количестве»[22].

Таким образом, к 1947 г. проблема переписки перестала носить столь острый характер. Для военной цензуры появилось больше возможностей фиксировать «характерные выдержки из писем положительного характера», конфисковывать письма «отрицательного содержания», а также выявлять перемены в настроении военнопленных, связанные с переносом сроков репатриации на 1949 г.[23]

Регулярно доносила лагерному начальству о высказываниях узников войны и агентура лагерей. Нередко эти характеристики носили нелицеприятный характер, содержали критику советского строя, руководителей СССР и ГДР. Так, военнопленный доктор Арно Юлиус Герман, содержавшийся в 1948 г. в лагере № 286 (город Таллин) в беседе заявлял: «Эти братья МВД много хуже, чем было

[20] Там же. Л. 178–179.

[21] Там же. Л. 121, 124.

[22] Там же. Д. 17. Л. 23.

[23] Там же. Д. 44. Л. 33–230.

наше Гестапо...» Военнопленный Иозеф Гердель высказался столь же определенно: «Если СССР нас не отпустит, то он нарушит свое слово, и я не смогу с доверием отнестись к словам государственных деятелей. Мы так же обмануты, как Гитлером и Риббентропом. Отношение к социализму у меня прежнее». Военнопленный Гюнтер Болт тогда же добавил: «Гитлер нам много обещал, но обещания не выполнил. Не думает ли Советский Союз идти по стопам Гитлера...»[24]

Агент «Дитрих», добывавший информацию в лагере № 135 (поселок Ахтме Эстонской ССР), 8 ноября 1948 г. сообщил, что военнопленный Карл Метке, придя в барак после доклада о XXXI годовщине Октябрьской социалистической революции и ответов на заданные вопросы о сроках репатриации на родину, сказал: «Русские с первого же дня нашего плена обманывают нас, они меня снова увидят с винтовкой в руках, тогда я не буду никогда давать пощады, это будет мое отмщение за мои мучения в плену...» Присутствовавший при этом военнопленный Вальтер Писке поддержал Метке и добавил: «Мы их всех повесим, ибо другого они ничего не заслуживают...»[25] Ему вторил и Ганс Гензель, заявлявший, по словам агента «Ульрих», что «Русских Иванов нужно всех выреза'ть, где только увидишь»[26].

На протяжении 1948 и первых месяцев 1949 г. советские спецслужбы регулярно фиксировали ряд реакционных высказываний, связанных с продлением срока репатриации. Так, 25 ноября 1948 г. в лагере № 289 в шахте были обнаружены надписи на вагонетках, выжженные карбидными лампами: «Голосуйте за Гитлера (далее нецензурно по адресу вождя СССР), он в этом году нас не отпустит на родину. Гротеволь[27] нас продал Москве за несколько вагонов крупы и рыбы». И далее: «Бригадиры, командиры рот и батальонов пусть прекращают работу». Причем на некоторых вагонетках была нарисована фашистская свастика, под которой следовала надпись: «Под этим знаменем нам жилось лучше»[28].

По донесению агента «Фото», военнопленный Отто Эмминг, содержавшийся в лагере № 135, в декабре 1948 г. заявил: «Разве может Гротеволь для нас что-либо сделать хорошее, если он после 1933 года проживал только в России, получая от Советского Союза вагон масла, он продаст за него 50 тысяч человек военнопленных. Русские ругают нацистов, а сами с нами так плохо обращаются, в первую очередь они сами должны хорошо обращаться с военнопленными, а потом уже ругать других, и такое государство, как Советский Союз, называют еще прогрессивным...»[29]

[24] Там же. Л. 163–164.

[25] Там же. Л. 159–160.

[26] Там же. Д. 38. Л. 137.

[27] Гротеволь Отто (1894–1964) — немецкий политический деятель, сопредседатель Социалистической единой партии Германии (с 1946), премьер-министр ГДР (с 1949).

[28] ERAF. Ф. 17 SM. Оп. 8. Д. 44. Л. 207–209.

[29] Там же. Л. 206.

Военнопленный лагеря № 289 ефрейтор Герман Астнер, по сообщению агента «Олег», был убежден в том, что все известия, которые поступают из советской зоны оккупации Германии, «являются неправильными», а Гротеволь во время своей поездки в Москву «был ненормальным». Военнопленным, по его мнению, могла помочь «только Англия... Я жду этого дня, а все остальное является ложью»[30].

Анализ содержания перлюстрированной корреспонденции военнопленных и сводки их высказываний, составленные по донесениям лагерных агентов, в целом ряде случаев демонстрировали и более глубокие оценки международной ситуации со стороны узников войны. Так, военнопленный Иозеф Урбаньяк в разговоре с агентом «Хаус» 16 ноября 1948 г. заявил: «Если в этом году не уедем домой, то не уедем домой вообще». На вопрос «Почему?» Урбаньяк ответил: «Между СССР и Америкой все время будет раскол, это никогда не изменится...» Другой военнопленный лагеря № 286 Ханс Нойфельд в своем высказывании продемонстрировал не только понимание осложнявшихся с каждым днем отношений между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции, но и неприкрытую агрессию: «Русские проклятые собаки, я их не терплю, но недолго осталось ждать, опять начнется война, тогда я пойду добровольцем и еще больше сделаю, тогда я покажу этим собакам...»[31]

Военнопленный бывшей германской армии Ханс Иохан Борнхаймер из лагеря № 289 в беседе с другими военнопленными 24 октября 1948 г. заявил: «Если русские не отпустят к 31 декабря военнопленных домой, то они потеряют всю симпатию у меня и у других. Я и другие попытаемся уйти сами. Русские на будущий год в это время будут уничтожены американцами...» Карл Хайнц Герман, содержавшийся в том же лагере, заметил: «Русские мне приелись, и если нас не отпустят в Германию к 31 декабря 1948 года, то весной они получат жа'ру от американцев»[32].

В ожидании грядущей войны пребывали и некоторые другие узники войны. Военнопленный бывшей германской армии Конрад Херман Кутц в узком кругу заключенных лагеря № 289 говорил: «Я привью с колыбели своим детям ненависть к СССР и пока буду жив, буду ненавидеть это государство. Если будет новая война, я буду сражаться против СССР. Я намерен совершить побег и скрываться в гор. Тарту, где имею много знакомых женщин»[33].

На протяжении первой половины декабря 1948 г. агентура зафиксировала целый ряд высказываний военнопленных, которые характеризовались как «профашистские». Так, военнопленный лагеря № 135 Ганс Готфрид Петерс в кругу своих друзей заявил: «Если только начнется война с Россией, то он

[30] Там же. Д. 38. Л. 136.

[31] Там же. Д. 44. Л. 164.

[32] Там же. Л. 177–178.

[33] Там же. Л. 208.

на стороне американцев и англичан вновь станет с оружием в руках против русских...»[34]

25 июля 1948 г. в адрес военнопленного Адольфа Клю, содержавшегося в лагере № 286, было направлено письмо из американской зоны оккупации Германии. В нем формулировался следующий вопрос: «Когда же наконец вас отпустят, вы уже постарели и поседели у русского, когда же начнется третья мировая война?»[35] До адресата письмо не дошло, поскольку было конфисковано органами цензуры.

Близость войны в те годы казалась реальной и для советских граждан. Не случайно органы государственной безопасности, активизировав работу по «выборочной читке корреспонденции», исходящей от советских граждан, стремились фиксировать не только «антисоветские высказывания», «панические настроения о предстоящем голоде», но и «распространение слухов о новой войне против СССР». Одновременно спецслужбы осуществляли оперативный сбор материалов о настроении населения, получая нужные сведения от «информаторов». В сферу внимания органов государственной безопасности попадали высказывания (порой произносимые в узком кругу знакомых и родственников), исходившие не только от рядовых тружеников, но и из уст заслуженных деятелей науки и культуры. Боязнь новой войны являлась одной из характерных черт общественных настроений послевоенного времени. Движение сторонников мира, которое возникло в те годы, быстро приобрело массовость. Люди участвовали в нем не формально, а по убеждению. Массовые кампании борьбы за мир, за предотвращение угрозы новой войны являлись крупными событиями общественной жизни всего Советского Союза[36].

В определенной степени разговоры о вероятности новой войны провоцировали и сотрудники лагерей для военнопленных. Так, в ноябре 1948 г. ответственный дежурный, заместитель начальника по режиму и охране второго лагерного отделения лагеря № 289 лейтенант Евгений Филисов допустил «преступную болтливость». В разговоре с военнопленным, работающим переводчиком, он заявил: «Пусть военнопленные не думают, что Советский Союз их отправит в этом году домой, так как в западных зонах создана нелегальная армия, и все военнопленные всё равно станут солдатами, и на будущий год они снова будут воевать против СССР. Советский Союз не настолько дурной, чтобы не предвидеть такой опасности»[37]. Высказывание Е. С. Филисова в ту же ночь было распространено среди военнопленных лагерного отделения и вызвало «широкое осуждение», в котором выражалось недовольство и возмущение политикой советского правительства в отношении военнопленных.

[34] Там же. Л. 205.

[35] Там же. Л. 50.

[36] *Ваксер А.З.* Ленинград послевоенный. 1945–1982 годы. СПб., 2005. С. 118.

[37] ERAF. Ф. 17 SM. Оп. 8. Д. 44. Л. 235.

Контроль над настроениями военнопленных руководство лагерей осуществляло и через сеть антифашистских комитетов, которые формировались на добровольной основе, без внешнего давления и принуждения, что, разумеется, не исключало «добровольно-принудительного характера их деятельности»[38]. В соответствии с директивой от 12 июня 1946 г. вводилась единая система руководства антифашистской работой в лагере. Антифашистский актив лагерных отделений открытым голосованием избирал из своей среды руководителей, а те, в свою очередь, избирали председателя актива лагеря. Руководители актива лаготделений подбирали себе по два функционера, а руководитель всего лагеря — трех функционеров. Кандидатуры функционеров утверждались политаппаратом, они освобождались от производственной работы и получали денежное вознаграждение в размере 100 руб. в месяц[39]. С августа 1948 г. основной формой агитационно-пропагандистской работы среди военнопленных стали политкружки, действовавшие по программе Политотдела ГУПВИ МВД СССР. По утверждению начальника ГУПВИ МВД СССР генерал-лейтенанта И. А. Петрова, создание института функционеров-антифашистов, равно как и деятельность антифашистских комитетов с определенного момента следовало рассматривать как инструмент, с помощью которого шло формирование резерва «для работы наших братских зарубежных коммунистических партий»[40].

Однако подготовка кадров такого рода далеко не всегда проходила гладко. Функционер лагеря № 289, обер-ефрейтор Вальтер Янке, по сообщению агента «Лотте», в марте 1949 г. прямо заявил: «Я никогда не стану другом Советского Союза... Почему я состою в антифашистском активе — с волками живешь, нужно выть по-волчьи. Кто знает, возможно, это еще пригодится». По донесению агента «Панцер», другой антифашист, являвшийся руководителем политкружка барака военнопленных, заметил непосредственно во время занятия: «Политика это то, из чего нужно извлекать пользу. Мы здесь должны делать так, как будто мы за политику Советского Союза, иначе нас никогда не репатриируют»[41].

Показательными в смысле характеристики настроений военнопленных стали выборы антифашистских комитетов, прошедшие в лагере № 289 в феврале 1949 г. Из 10 116 военнопленных в голосовании принял участие 9941 человек. При подсчете результатов голосования из урн извлекли 9937 бюллетеней. Часть из них признали недействительными: 6 были разорваны, 882 перечеркнуты

[38] Подробнее об этом см.: *Иванов В.А.* «Дяденька фашист...» (или как велась антифашистская «перековка» немецких военнопленных на территории ленинградского региона в 1944–1949 гг.) // Новейшая история России: время, события, люди (к 75-летию почетного профессора СПбГУ Г.Л. Соболева). СПб., 2010. С. 313–348; *Вавулинская Л.И.* Антифашистская пропаганда в лагерях иностранных военнопленных в Карелии в 1944–1949 гг. // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2013. № 3 (23). С. 81–89.

[39] Региональные структуры ГУПВИ НКВД-МВД СССР. С. 472.

[40] РГВА. Ф. 1 п. Оп. 5 и. Д. 66. Л. 1.

[41] ERAF. Ф. 17 SM. Оп. 8. Д. 38. Л. 135–136.

крест-накрест, в 378 были вычеркнуты все кандидаты, 80 бюллетеней содержали реакционные надписи («Нам не нужны антифашистские комитеты, мы хотим домой», «За колючей проволокой мы не избираем», «Политические марионетки», «Ваш час пробьет», «Мы хотим домой, с нас уже достаточно», «Всё это ложь», «Лакеи русских», «Навоз», «Долой», «Все одинаковы, русские слуги», «Театр обезьян»). На 88 бюллетенях «красовалась» надпись «Хайль Гитлер»[42].

Значительно улучшить общее настроение в лагерях военнопленных удалось только к весне 1949 г. Задача была решена посредством реализации комплекса мер. Так, военнопленным было объявлено о конкретном плане репатриации всего контингента в течение 1949 года. Им настойчиво внушали тот факт, что все они «в текущем году» будут отправлены на родину. Кроме того, органы МВД оперативно реагировали на все реакционные проявления. Организаторы и инициаторы «враждебных действий в лагерях» оказались преданы суду. Только за период с декабря 1948 по март 1949 г. в лагерях на территории СССР было разоблачено и осуждено 338 военнопленных, в том числе: за диверсию и вредительство на производстве — 13, за саботаж — 161 и за злостные нарушения лагерного режима — 164[43]. Чистка антифашистских комитетов и лагерной администрации из числа военнопленных также способствовала нормализации общей ситуации. Не прекращавшаяся борьба с побегами военнопленных и жесткие меры наказания по отношению к беглецам дополняли серию мероприятий, направленных на стабилизацию положения в лагерях.

При всей трагичности судеб иностранных военнопленных, значительная часть которых находилась в советском плену до конца 1949 г., следует признать, что условия их содержания были вполне удовлетворительными. Узников войны и советских граждан в те годы объединяло исключительно тяжелое материальное положение. Уровень жизни граждан СССР второй половины 1940-х гг. свидетельствует о том, что недостаток продовольствия, медикаментов, теплой одежды для иностранных военнопленных был обусловлен не злонамеренной политикой советского руководства, а суровой действительностью послевоенных лет.

Выявление и изучение причин, обусловливавших отрицательные настроения военнопленных, имело большое значение для последующей их обработки в духе лояльности по отношению к политике, проводимой советским руководством. Официальные доклады руководителей МВД различного уровня свидетельствовали о существенных достижениях в антифашистской работе. В соответствии с ними немалое количество бывших военнопленных, возвратившихся из СССР, стали функционерами СЕПГ и КПГ, возглавили молодежные и профсоюзные организации в советской зоне оккупации Германии. Вместе с тем значительная часть военнопленных, оказавшихся на родине после нескольких лет русского плена, так и не превратилась не только в друзей, но даже в союзников нашей страны.

[42] Там же. Л. 131, 134.

[43] Военнопленные в СССР. С. 869.

Abstract

M. Khodjakov. «I'll never be a friend of the Soviet Union»: the mood of foreign prisoners in the camps of the NKVD-MVD in the second half of the 1940s

The article examines the attitudes prevailing among the foreign POWs in the NKVD-MVD camps after the Great Patriotic War. The author analyzes the changes that have occurred in the attitudes of the people held captive for years. Liquidation of these camps and sending the bulk of the POWs home was delayed until the end of 1949. As a result a lot of prisoners of war of various nationalities remained in the NKVD-MVD camps before the end of 1949, and some — until the mid-1950s.

Thus the gain in the late 1948 — early 1949 anti-Soviet sentiment in the POW camps was due to delayed repatriation. Under such conditions the camp leadership in the field has reported «significant deterioration of war sentiment», «sharp increase in negative statements», «shoot growth». The personnel of the camps and escort troops were mobilized to improve the protection of prisoners of war. Preparation of the NKVD-MVD necessary information concerning their sentiments was organized through an extensive network of agents formed in all camps and camp branches.

The author stresses a big role of correspondence in the lives of the POWs. It seriously affect not only the mood of prisoners of war, but also determine their labor activity to a large extent. It is known that the correspondence was carefully monitored by the camp authorities. Its content reveals the value judgments political of the POWs and their views on the international situation in the conditions of the «cold war».

Identify and study the reasons for the negative mood POWs was of great importance for further processing in a spirit of loyalty to the policies pursued by the Soviet leadership. Official police reports of various levels showed substantial progress in the anti-fascist work. According to them, a considerable number of former POWs who returned from the Soviet Union, became functionaries of the Left parties, led by youth and trade union organizations in the Soviet zone of occupation in Germany. However, a significant proportion of prisoners of war caught at home after several years of Russian captivity, and did not become not only friends, but even allies of our country.

Key words: foreign prisoners of war, POW camps, NKVD-MVD, the second half of the 1940s, the mood of the POWs.

References

Džusti M. T. Ital'ânskie voennoplennye v SSSR, 1941–1954. SPb., 2010.

Frolov D. D. Sovetsko-finskij plen. 1939–1944 gg. Po obe storony kolûčej provoloki. Hel'sinki; SPb., 2009.

Ivanov V. A. «Dâden'ka fašist...» (ili kak velas' antifašistskaâ «perekovka» nemeckih voennoplennyh na territorii leningradskogo regiona v 1944–1949 gg.) // Novejšaâ istoriâ Rossii: vremâ, sobytiâ, lûdi (k 75-letiû početnogo professora SpbGU G. L. Soboleva). SPb., 2010. S. 313–348.

IvanovV.A. O nastroeniâh sredi plennyh nemeckih generalov i oficerov Kurlândskoj gruppy armij v majskie dni 1945 g. (Po materialam frontovogo punkta voennoplennyh № 1 v pos. Tirkiliškâj Litovskoj SSR) // Problemy voennogo plena: istoriâ i sovremennost'. Materialy meždunarodnoj naučno-praktičeskoj konferencii. Vologda, 1997. Č. 2. S. 44–50.

Kaasik P. Nõukogude liidu sõjavangipoliitika teise maailmasõja ajal ja sõjajärgsetel aastatel: sõjavangide kinnipidamissüsteem Eesti näitel ja hinnang sõjavangide kohtlemisele rahvusvahelise õiguse järgi. Tallinn, 2011.

Kaasik P. Prisoner-of-War Camps in Estonia in 1944–1950 // Estonia since 1944. Reports of the Estonian International Commission for the Investigation of Crimes Against Humanity; [compiled by T. Hiio... et al.; edited by T. Hiio, M. Maripuu and I. Paavle. Inimsusevastaste Kuritegude Uurimise Eesti Sihtasutus]. Tallinn, 2009. P. 69–70.

Karner S. Arhipelag GUPVI: Plen i internirovanie v Sovetskom Soûze, 1941–1956 / Per. s nem. M., 2002.

Kolerov M. Trud i vojna: voennoplennye v èkonomike SSSR (1944–1949). M., 2011.

Kološinskaâ N. V. Problemy protivodejstviâ hiŝeniâm i zloupotrebleniâm v lagerâh dlâ voennoplennyh na territorii Leningrada i oblasti vo vtoroj polovine 1940-h gg. // Istoriâ gosudarstva i prava. 2013. № 6. S. 31–35.

Konasov V. B. Sud'by nemeckih voennoplennyh v SSSR: diplomatičeskie, pravovye i političeskie aspekty problemy. Očerki i dokumenty. Vologda, 1996.

Sidorov S. G. Trud voennoplennyh v SSSR, 1939–1956 gg. Volgograd, 2001.

Vakser A. Z. Leningrad poslevoennyj. 1945–1982 gody. SPb., 2005.

Vavulinskaâ L. I. Antifašistskaâ propaganda v lagerâh inostrannyh voennoplennyh v Karelii v 1944–1949 gg. // Voprosy istorii i kul'tury severnyh stran i territorij. 2013. № 3 (23). S. 81–89.